

Николай Семенович Лесков

Сим воспрещается

**Лесков Николай Семенович
Сим воспрещается**

Николай Семенович Лесков

"Сим воспрещается..."

"Сим воспрещается", "сим строго воспрещается", "сим наистрожайше воспрещается"! Кому из вас, почтенные читатели, не доводилось встречаться с этой нашей, так сказать, национальной фразой и вывеской? Где она не писалась, где она не стояла, где не сверкала и не била в глаза русскому человеку для того, чтобы порой досаждать ему, а чаще воздымать в его голове самые странные недоразумения: зачем и к чему все эти запреты; какой в некоторых из них смысл; какая в них польза; затем, если во всех этих запретах есть смысл и польза, то почему же девяносто девять запрещений из ста никем не соблюдаются, и зачем, когда несоблюдение их видимо подрывает авторитет запретителей, зачем этого не искоренят и не запретят, а все только запрещенія растут и растут и множатся; зачем это, наконец, никого не смутит и не заставит задуматься? Впрочем, сказав, что это "никого не смущает", мы припоминаем, что сделали маленький промах, и должны оговориться. Покойный профессор гражданского

законоведения в Московском университете Федор Лукич Морошкин, автор известного сочинения "О постепенном образовании законодательства" (умерший в 1857 году), не раз обращал внимание своих слушателей на то, что законодательство в России так разошлось с жизнью и ее требованиями, что, по его словам, у нас давно исчезла всякая возможность жить, не совершая ежеминутно постоянных преступлений. Благодаря непроглядной сети спутанных, перепутанных, одно другому уничтожающих и одно другому противоречащих запрещений, человеку, желающему не нарушать закона, у нас пришлось бы преодолеть такие неудобства жизни, с какими не знает ни один дикарь, заблудившийся в непроходимых лесах Гвианы. "Законовед, - резюмировал он, неминуемо должен бы прийти от этой путаницы в непереносимое отчаяние, если бы его не подкрепляла одна священная надежда на явление со временем закона о запрещении запрещений!" Даровитый ученый, выразивший эту райскую надежду, уже двенадцать лет как переселился в селения праведных, а надежда его все еще остается на-

дежду, и курьезная сторона многих русских неисполнимых в необъяснимых запрещениях все еще продолжает то смешить, то сердить людей, ведающих о сих запрещениях и неуклонно их нарушающих. Все это сводится иногда к анекдоту, часто к комедии и нередко к драме. Начнем по очереди с анекдота.

Пишучи эту заметку, мы крайне сожалеем, что не обладаем завидной памятью некоторых счастливых, способных пересказать ряды событий с такой точностью, как будто бы они вписаны у них в памяти, как на таблицу; но каждый из читателей сам, всеконечно, найдет у себя большой запас воспоминаний, могущих с избытком пополнить наши слишком краткие и слишком беглые заметки. Не знаем, с чего начать; но как особого систематического порядка в этих воспоминаниях и не требуется, то начнем хотя со "старинного зла", т.е. со взяток. Взятка воспрещалась. В законе за мздоимство и лихоимство назначались кары, но их почти никто не боялся, и взятки брали все или почти все, а кто их не брал, тех звали простофилями и даже дураками. Это - одна сторона: ею грешили лихоим-

цы; но у медали есть и другая сторона, которой грешили лиходатели. Взятки давать за-прещалось, но без взяток ничего не делалось да и не могло делаться. Лет несколько тому назад одно из очень и очень высокопоставленных лиц сделало одну огромнейшую покупку, на которую в надлежащем присутственном месте совершена была купчая крепость, и надсмотрщик крепостного стола (как назывались тогда эти чиновники) отправился с готовым документом и книгой на дом к очень и очень высокопоставленной особе. Особа взяла купчую, расписалась и отдала книгу чиновнику. Тот молча поклонился, отошел и стал у двери. Особа обернулась: видит - чиновник стоит. - Благодарю, братец, благодарю, - сказала особа. Чиновник вежливо склонился и опять стоит. - Благодарю же, благодарю, - повторяет ему особа. Чиновник - опять поклон молча и опять ни с места. Особа имела слабость думать, что она одарена высшим ведением и особенно жизнь русскую в русско-го человека пронизает до дна. - Ага! - воскликнула особа, - я тебя понимаю! - И с этим высокопоставленное лицо обернулось к сто-

лу, выдвинуло ящик, пошарило там рукой и крикнуло чиновнику: - Подай мне книгу! Тот подал. Высокопоставленное лицо положило в книгу сторублевый билет, отдало книгу, не оборачиваясь, назад чиновнику, и, улыбаясь, наслаждалось уже заранее эффектом, как она, эта особа, станет рассказывать нынче в собрании всех высокопоставленных лиц, как с него, с самого его, чиновник гражданской палаты сто рублей взятки взял... Но среда этих ликований высокопоставленное лицо вдруг оглянулось, а чиновник опять стоит у двери. Особу это даже передернуло: в самом деле отошла эта приказная крыса по коврам тихо и стоит, словно мечты высокие подслушивает. - Чего же ты еще стоишь? - крикнула особа. А тот опять поклон. - Да ведь я же тебе положил в книжку. - Точно так, - тихо, но не робея начал чиновник. - Так что же тебе еще? - Здесь всего сто рублей. - Ну! - А купчая крепость на миллион шестьсот тысяч. - Ну! - Мне не поверят мои товарищи, что ваше вашество мне всего сто рублей изволили пожаловать. - Сколько же бы ты желал получить? - Обыкновенный человек мне дал бы, по крайней ме-

ре, три тысячи, а ваше вашество пожалуете мне пять. Особа сорвалась с петель. Эта неслыханная наглость ее поразила. - Мерзавец! - закричала особа. - Где ты взял столько дерзости, чтобы говорить мне такие вещи? - Дерзость моя, ваше вашество, основана на моем положении, - продолжал спокойно чиновник. - Я служу, плачу деньги за чины, не получаю никакого жалованья и содержу целую канцелярию. Высокопоставленное лицо сделало круглые глаза от изумления. - Действительно, действительно так, - продолжал, пользуясь этой минутой, чиновник, - я бедный человек, служу без жалованья, плачу за чины и содержу канцелярию, а потому, что я получаю, то идет для пользы службы. Особа дала чиновнику пять тысяч и потом долго носилась с открытием, что у нас есть чиновники, которые, так сказать, на законном основании берут взятки. - И я сам, да, я сам дал пять тысяч и не скрываю этого! - говорила она однажды одному тоже высокопоставленному лицу. - А я советовал бы вам это скрывать, - отвечал собеседник. - Это зачем? - Да ведь вы подлежите за это суду, как лиходатель заодно

с лихоимцем. Особа замахала руками: "де-скать, тут сам черт ногу переломит!" - и с тех пор о данной взятке ни гу-гу. Из имений многих наших высших государственных людей всегда отпускались щедрые взятки на чиновников, и деньги эти сносились прямо по отчетам, как жалованье, в расходные статьи, и при поверках и опеках статьи эти читались гласно и громко и никого не смущали. А взятка все-таки была запрещенное преступление.

В одном из наших больших губернских городов был в довольно недавние годы начальником добрейший и благодушнейший престарелый князь (ныне уже умерший), и там же, в том же самом городе, был городской врач, из евреев, что называется, преестественнейшая каналья. На чиновника этого до старика-князя доходили беспрестанные жалобы, а во время одного рекрутского набора скопилось их столько, что добрый князь не выдержал и сказал: - А, с этим, стало быть, надо что-нибудь того... надо что-нибудь сделать. - Не будьте с ним так мягки, ваше сиятельство, - отвечал ему его советник и правитель. - Да, да, да... стало быть, нельзя... Позвать

его ко мне, и вы увидите, черт меня возьми, мягок ли я... увидите. Через полчаса правитель докладывает, что виновный лекарь явился и ждет в приемной. - А, он, стало быть, там! Нет, сюда его, сюда его, в кабинет... а вас прошу постоять вот тут за ширмой... Вы говорите, что я мягок, стало быть, слаб... Вот вы увидите, как я слаб... Вошел преступник; князь на него так и накатился. - Вы, - говорит, - взятки брать! - Беру, ваше сиятельство, - отвечает доктор. - Как, что?.. Что такое я слышу? - испугался князь. - Да вы изволите спрашивать, беру ли я взятки? - начал пояснять врач. Так я вашему сиятельству докладываю, что действительно беру. - Да как же вы, стало быть, смеете? - Позвольте мне объяснить это? - спрашивает врач. - Объясняйте, черт возьми; объясняйте! - Все объяснение в двух словах, ваше сиятельство: жалованья получаю сто двадцать рублей в год, но и тех не беру, а отдаю управе; медицинской практики не имею за недостатком времени, от науки отвык, тройку лошадей содержу для езды по городу с происшествия на происшествие, нанимаю от себя фельдшера, содержу семью, пла-

чу жалованье прислуге и даю на содержание управы. Откуда мне все это взять, ваше сиятельство? Я бедный человек и служу правительству даром. Князь смутился, и врожденное его добродушие взяло верх над его напускной строгостью. - Но все-таки, - заговорил он, поворачиваясь спиной к портьеру, - но все-таки... это того... вы, стало быть, того... всякий день делаете постоянно преступления... Ведь этак нельзя, это запрещено законом. - Ваше сиятельство, в России все постоянно делают непрерывные преступления. - Да это вы того... стало быть, как вы смеете! - опять закинулся князь. - Я, сударь мой, я первый, я никогда не делаю преступлений. - Вы их при мне, ваше сиятельство, совершили более пятнадцати. - Что, что такое?.. Я... пятнадцать преступлений в пятнадцать минут?.. Вы - сумасшедший. - Никак нет: вы во все время, что со мною говорите, изволите зажигать спички... Вон их пятнадцать брошено... - Да, они гаснут; но это для вас не оправдание. - Да, но в них я уравниваюсь с вашим сиятельством в преступничестве. - Как? что такое? - Спички запрещено законом зажигать! - Как?.. что?..

Князь покосился на портьеру и как бы ждал оттуда спасения. - Да-с, точно так, - продолжал со вздохом лекарь. - Вы, ваше сиятельство, пятнадцать раз изволили нарушить закон. - Так чем же я буду зажигать? - вскричал князь. - Бандерольные спички, ваше сиятельство, узаконены, а все другие запрещены, а вы изволите видеть (он поднял коробочек и прочитал по-польски) "Zapalki Poltaka w Wiedniu" (*) - запрещенное, ваше сиятельство.

(* Спички Полтака в Вене (польск.) *)

Князь засопел и опять на портьеру. - Где же это, стало быть, эти того... дозволенные спички? - Не знаю, ваше сиятельство, - отвечает лекарь, - и... никто не знает. - Вы врете! Князь в нетерпении обернулся опять к портьеру и воззвал: - Пожалуйста, пожалуйста... Нечего там скрывать. Извольте мне объяснить, где можно достать дозволенных законом спичек? - Не знаю, ваше сиятельство, - отвечал правитель. - А, вы не знаете! Вы не знаете! А в таком разе я, стало быть, не делаю никакого преступления, потому что я и закона-то этого не знал. - Извините, ваше сиятельство, но неведением закона отговариваться

запрещено, - кротко заметил язвительный лекарь. - Да, что это за черт меня преследует! - вскрикнул князь и, обратясь к правителю, добавил: - запрещено? - Запрещено-с. - Куда же, ваше сиятельство, мне идти брать себе законные средства к жизни? - смиренно спросил лекарь. Князь сопнул, собственными руками завернул к порогу и лекаря, и правителя и вместо напутствия сказал им: - Убирайтесь вы, стало быть, к черту... если это не запрещено.

Кроме взяток, которые запрещались и которых невозможно было не брать, как равно невозможно было обходиться и без запрещенных спичек, разновременно, кажется, все было запрещено. Запрещалось, например, представлять к награде орденами не имеющих пряжки, но дозволялось обходить это запрещение; запрещалось ремонтерам полевой пещей артиллерии платить дороже 50 руб. за лошадь, а выдавалось по сту рублей на коня; одно время студентам запрещалось не только ходить в фуражках, но даже иметь их; запрещалось офицерам носить калоши и фуражки, а писарям запрещалось ездить на дрожках.

Эпоха эта даже воспета Пушкиным в стихах:

"Когда в столице нет царя,
Там беспорядкам нет уж меры:
На дрожках ездят писаря,
В фуражках ходят офицеры".

Запрещалась ловля рыбы на крючки; запрещалась продажа водки, вина и пива в торговых банях, где все это вечно продавалось и продается; запрещались и по днесь запрещены дома терпимости, и есть суровые законы, по коим следует карать содержательниц этих домов, но есть и административные правила и для самих этих содержательниц, и для женщин, промышляющих своим телом; запрещалось помещикам заставлять крестьян работать более трех дней в неделю, и не соблюдалось это нигде, кроме западного края; запрещалось крестьянам работать на себя по воскресеньям и табельным дням, соблюдение чего было вовсе невозможно, ибо, во-первых, крестьяне, заморенные целую неделю на барщине, умерли бы с голода, не работая на себя в воскресенье, и, во-вторых, табельных дней крестьяне и не знают; запрещалось в России ездить с колокольчиком, а в нынешнем при-

вислянском крае запрещалось ездить без колокольчика; запрещалось ношение усов во флоте, в пехоте и в тяжелой кавалерии; запрещалось дворянам и чиновникам носить "круглые бакенбарды"; запрещалось монаху иметь в келье письменные принадлежности, "дабы он не писал ябед"; запрещалось двум юнкерам останавливаться и разговаривать, "понеже (слова указа) два фендрика ничего путного друг другу сообщить не могут"; запрещалось иметь богословские споры без ведома полиции; запрещалось разъяснять в книге, как надо "печь пироги в вольном духе"; запрещалось семинаристам "иметь одежду вкратце" (т.е. короткую); запрещалось служащим людям жениться на крестьянках и мещанках; запрещалось иметь письменные транспаранты без подписи цензора Елагина... Одним словом, запретам этим, сколько хранит наша слабая память, конца нет. Закон уставал запрещать; запрещали командиры, городничие, откупщики, ярыжки. В пехоте было выдуманно запрещение солдатам "не дышать в строю" (1*), в Кузнецке в Сибири некий исправник запретил крестьянам колоть домашних жи-

вотных, чтобы умножалось скотоводство, а крестьяне взяли да и распродали весь скот (2*). Известный сибирский дока Пекарский тем и прославился, что на всех операциях держал исключительно одних беглокаторжных, пристанодержательство которых строжайше запрещено. Он вдвойне нарушал закон, но его хвалили за это (3*). Откупщики (что уже, кажется, за власть такая?) - и те запрещали. Так, например, были под запрещением мед, называемый "воронок", что выдвывается на воскобойнях, и квас, потому-де, что в квас можно положить и хмелю. В конце концов, не полагаясь на свою память, мы в самом деле не знаем, что было когда-нибудь не запрещено и преувеличивал ли что-нибудь покойный профессор Морошкин, говоря, что "мы, благодаря этим запрещением, только и делаем, что совершаем преступления".

(1* См. рассказ С.Турбина "Армейские доки". (Прим. автора.) *) (2* См. сочинения Флеровского о рабочем классе в России, с. 39. (Прим. автора.) *) (3* См. сочинения Флеровского о рабочем классе в России, с 7. (Прим. автора.) *)

Случаев, где запрещения оказывали бы благие результаты, очень немного, да и то это замечено на иностранцах, пока они еще не оборкаются у нас с нашими запрещениями. Нашему же русскому человеку стоит только сказать: - Нельзя, мол, нельзя, - запрещается! Он уже сейчас и приспособится, как это одолеть. Гоголь говорит: "Стоит только поставить какой-нибудь памятник или забор, так сейчас и вынесут на десять возов всякой дряни"... У нас в Петербурге пишут, пишут на углах безобразные: "запрещается", "строжайше воспрещается", а мимо углов все-таки хоть не ходи, не заткнувши носа и не подобравши платья. Так и все у нас соблюдалось: мы никогда не помним столько охотников курить на улицах, как тогда, когда это было запрещено; никогда уже не видеть нам таких сцен за шапки, как в то время, когда на николаевской железной дороге даже чиновники сидели с головами, повязанными по-бабьи - платками; ни в одном из современных бесцензурных изданий нет таких гадостных мыслей, какие кишмя кишели под цензурой.

Иностранцы, особенно англичане, не при-

обыкшие к запрещениям, подчинялись им гораздо точнее. Вскоре после крымской войны в Петербург приехал один известный английский инженер Б-лей. Как человек любознательный, он купил себе указатель и бегал с ним повсюду, все сравнивая с описанием и делая обо всем свои заметки. Таким образом, обходя известный "мраморный дворец", он заметил, что в строении этого дворца гораздо более участвует гранит, чем мрамор. Это его смутило. Англичанин заподозрил, что в его гиде непременно опечатка, что дворец, вероятно, называется "гранитный", а не "мраморный". Он рассердился, переменял гид, но и в другом опять стоит дворец "мраморный". Турист окончательно впал в недоумение; он обращался и к книгам, и к людям за разъяснением затрудняющего его противоречия и нигде не находил этого разъяснения. - Почему же вы не называете этого дворца гранитным? - спросил он, наконец, одного администратора, а администратор, которому англичанин надоел своими доуками, отвечал ему: - Нельзя этого. - Но почему же нельзя? - добивался англичанин. - А потому, что это

уже так называется, - сказал ему, чтобы отвлечься, администратор. Англичанин не успокоился. Но вот проходит еще неделя, и вдруг в конце апреля на Марсовом поле собираются войска. - Что это такое? - спрашивает англичанин. Ему отвечают, что это, мол, у нас майский парад. Тот опять взбеленился. - Как, - говорит, - майский парад, когда у вас теперь апрель? - Да уж так, - отвечают, - майский это называется. - Но почему же он не называется апрельским? - А так, - не называется. Англичанин опять за справками к знакомому администратору. - Зачем, говорит, вы этот парад зовете майским, а не апрельским? - Так следует, - ответил ему администратор. - И дворец так следует? - Следует. - И парад так следует? - Следует. Англичанин ушел и записал в своем гиде: "Мраморный дворец называется потому, что он из гранита, а майский парад потому, что он бывает в апреле". Но успокоиться этим бедный Джон Буль тоже не мог: нарушение логики его так и жгло, и вот он отправляется в одну редакцию, где работал один из его земляков. - Скажите мне, сэр, Бога ради, - отнесся он к соотечественнику, - скажите мне, Бога

ради, по совести, как честный человек: отчего мне не хотят объяснить, почему гранитный дворец называется мраморным, а апрельский парад майским? Успокойте меня! Мой мозг горит от того, что я не добьюсь разгадки! Обруселый англичанин понял своего земляка и нашелся, как помочь его горю. - Извольте, сэр, извольте, - я вас успокою, - отвечал он. - Бога ради! - Извольте, сэр, извольте, - только отойдемте подальше от этих людей (он указал ему на сидевших в той же комнате других сотрудников). - Охотно, сэр, отойдемте. Они удалились. - Это, сэр, - начал обруселый англичанин, склоняясь к уху своего беспокойного соотечественника... - Ну-с! - Подвиньтесь ко мне поближе. - Подвинулся. - Это, сэр, объяснять... - Ну, сэр, ну! - Запрещено! - прошептал таинственно рассказчик. Англичанин взрадовался, сжал благодарно руку коварного соотчича и с этой минуты успокоился. - Наконец-то, наконец, есть логика! - Вы довольны, сэр? - Доволен, сэр, доволен: тут есть логика, почему не объясняют! Но, однако, в "Saturday Review" нам как-то вскоре довелось читать записки этого логического англичанина, где он

опять высказывал сожаления, почему мраморный дворец в Петербурге не называется гранитным, а майский парад апрельским. Другой английский инженер, г. Миллер, взятый в плен в Крыму и живший в Пензе, где он и погиб, провалившись там в канаву на тротуаре Лекарской улицы, никак не мог осмелиться пойти на базар. Его пугала доска, во главе которой стояло слово: "запрещается". Слово это пленный понимал, но дальнейшего, что было написано, не мог уразуметь и отказался совсем налагать на базар ногу. - Я не могу нарушить закон и попасть в беду, - говорил он, вовсе и не подозревая, что конечная беда ждала его на тротуаре Лекарской улицы.

От запрещений удавалось спастись только там, где запрещения угрожали убытками самим запретителям. Так, не Бог весть в какие давние годы одному из администраторов некоторых малороссийских земель пришло в голову запретить пахать землю обыкновенными и общеупотребительными в том крае малороссийскими плугами потому-де, что эти плуги тяжелы и несовершенны и требуют много лишней силы. Администратор выписал

английский плужок Смайля и решил по нем перестроить все пахотные орудия в Малороссии. Сказано и сделано: плужок привезен и выставлен на поле, согнаны туда с окрестных деревень крестьяне, и назначена публичная проба "для наглядного убеждения крестьян в несомненных превосходствах смайлевского плужка" Народ и начальство, и плуг Смайля, и плуг малороссийский, и шесть пар волов - все на месте, и началась проба. Запрягли шесть пор волов в нарочно, конечно, выбранный самый тяжелый малороссийский плуг и погнали борозду. Идут понурые, соловые во- лы, тянется тяжелый плуг и глубоко взрезывает грудь земли; идут шесть погонщиков и орут: "гой-гей! цобэ! цоб!" Администратор и власти смеются - народ ничего. Прогнали борозду, отпрягли переднюю пару волов и заложили ее в плуг Смайля; немец, доставивший плужок, взялся за рукоять; волам вскинули на рога "налыгач", и пошла другая борозда рядом с первою - борозда поуже и помельче, но все-таки хорошая борозда. - Видите! - кричит мужикам радостный администратор. - Видимо, ваше осиятельство, видимо! - отвечают

мужики, совсем недоумеваю, чему тот радуется. - Хорошо небось? - Добрэ, ваше осиятельство, добрэ! - Хотите таким плужком пахать? Молчание. - Что же вы? Хотите или нет? А? Да что же вы молчите, канальи? Мужики "чухаются". - Ну, так я же вам запрещаю на ваших чертовщинах пахать, а вот этот немец научит вас, как делать такие плужки, Слышите? - Чуемо, ваше осиятельство, чуемо. - И согласны? - Да цэ як зволыте, ваше осиятельство. - Ну, так я по-старому пахать запрещаю. Но вдруг выделяется из толпы седой "дедуня" и, поклонившись аж до самого "чобота", начинает: - Милуйте-жалуйте, ваше грапское благородые... - Что? Что тебе, старик? Что? Администратор обрадовался, что вызвал-таки, наконец, свободное мнение. - Ты свое мнение хочешь сказать? - Эге. - Ну, говори, старик, говори. - Да зволтеса, будьте ласковы, ваше грапское благородые - заводит тихонько старик. - Вы от здается зволыли як бы моркотнуть, где сами плужками орут? - У немцев, любезный, у немцев этими плужками пашут. (Почему администратор махнул именно на немцев, это так и осталось его тайной; но, может быть, он

имел резон, потому что о других иностранцах мужики, пожалуй, и не слышали.) - То то же у тих немцев, що у нас в Одессе хлеб купуют? - Ну вот, вот, вот, у них, у них, у этих самых немцев, что у вас в Одессе хлеб покупают. - То добрэ, але скажите ж, добродию, як мы зачнем по вашему указу сими плужками орать, то где же вы тоди нам будете хлеб куповать? - Я! я! я вам буду хлеб покупать? - Да а вже не знаемо - кто, але звисно, начальство повинно буде покупать. Администратор велел поставить пока плужок Смайля в пожарный сарай в волости. " Да так его куры там и засрамотили", - рассказывают мужики, знающие эту историю по всему малорусскому краю. Администратор побоялся, что запрещение малороссийского плуга ему "дорого обойдется". Летопись всех этих чудес и чудачеств велика безмерно, и конец ее, предреченный Федором Лукичем Морошкиным в "запрещении запрещений", едва лишь намечается на отдаленном горизонте, да и то, Бог весть, во что это все оборотится: в голубя ли с масличной ветвью, или в кричащего ворона? Между тем газеты последних дней и журналы, на сих днях вы-

шедшие, и кое-какие собственные наши корреспонденции дают новые материалы для рассказов о запрещениях, и в тех материалах замечательнее всего то, что наши "новые люди", как оказывается, в сочинении запрещений ничем не уступают опороченному в своем поведении "старому поколению". Напротив, новые, как явствует, еще дошлее, еще искуснее "запрещать", "строго запрещать" и "строжайше запрещать", и за то по усердию их в их ревности и чудодейственная сила их запрещений гораздо несноснее и гаже, несмотря на то, что это молодая сила. (Тем она и гаже.) В новом "режиме" опять мелькают перед нами судьи, администраторы, следователи, либералы и "от всякого жита по лопате", но у нас нет времени и места, чтобы призаняться всем этим сегодня же, а потому отложите, благосклонный читатель, нашу беседу о новых запрещениях и новых запретителях до следующего вокресенья, и тогда подведем всему этому маленький итог в надежде, что нам никто этого не "запретит".

КОММЕНТАРИИ

Опубликовано в No 319, 23 ноября 1869 г.,

без заглавия, под рубрикой "Русские общественные заметки"; озаглавлено составителем по первой фразе. Некоторые мотивы статьи явственно предвещают знаменитый рассказ Лескова "Железная воля", главный герой которой, Гуго Пекторалис, имеет, как известно, прототипом немецкого инженера Крюгера, знакомого Лескову по "шкоттовским" временам. Возможно, следует ввести в число прототипов также и английского инженера Миллера, утонувшего в пензенской луже.

Стр. 116. Турбин Сергей Иванович (1821-1884) - писатель, статистик, полковник Генерального штаба. См. примеч. на стр. 432. Флеровский (псевдоним Василия Васильевича Берви, 1829-1918) - социолог и публицист, популярный в кругах революционно настроенной молодежи в 70-е гг.; в 1862-1887 гг. в ссылке; автор книги "Положение рабочего класса в России" (СПб., 1869). Пекарский Петр Петрович (1827-1872) - библиограф, историк русской литературы, академик (1864). Стр. 117. ...пока они еще не оборкаются - не свыкнутся.

Л. Аннинский